

АНТИПОДЫ И АНТИПАТЫ АВИНЬОНА

Основой программы 64-го Авиньонского фестиваля были постановки, сделанные на стыке разных стилей и жанров. А главным событием стал спектакль «Pappelarapp»: швейцарец Кристоф Марталер придумал изысканную по форме и скандальную по содержанию притчу о том, как выглядит современное человечество в великих декорациях прошлого.

По заведенной семь лет назад традиции афишу фестиваля формирует дуэт директоров Ортанс Аршамбо и Венсан Бодрийе при участии приглашенного художественного руководителя, которым становится кто-то из европейских «первачей»: Томас Остермайер, Ян Фабр, Жозеф Надж и другие радикальные режиссеры. В этом году приглашенным худруком фестиваля был немец Кристоф Марталер, работающий на стыке оперы и драмы, чьи спектакли представляют собой блестящие пародии на современное европейское общество.

В ЗЕРКАЛАХ РЕАЛЬНОСТИ

Приглашенный худрук не только формирует программу фестиваля, но и представляет свои спектакли, один из которых играется во дворе Папского дворца. Ночное южное небо будто подпирают зубчатые каменные стены 700-летней давности. Из-за их гигантской высоты двор-колодец кажется небольшим, хотя вмещает до трех тысяч зрителей. Задником сцены служит стена

дворца с готическими окнами и огромным окном-розой справа. Словом, о таких гениальных декорациях можно только мечтать. Но Марталер едва не отказался ставить спектакль в этих стенах. «Апостол нового европейского театра», «певец заката Европы», в чьих спектаклях нежность и изысканная музыкальность сочетаются с едкой пародией, привык к закрытым помещениям. Его верный соавтор художница Анна Фиброк стилизует их под некое пространство, застрявшее в эстетике 70-х – что-то вроде зала ожидания, который может превращаться то в палаты психушки, то в палубу корабля. И наполняет его кучка недотеп, агрессивных, чванливых и насмерть перепуганных. Теперь Марталер все же поселил их в средневековом дворе Папского дворца. Спектакль называется «Pappelarapp» –

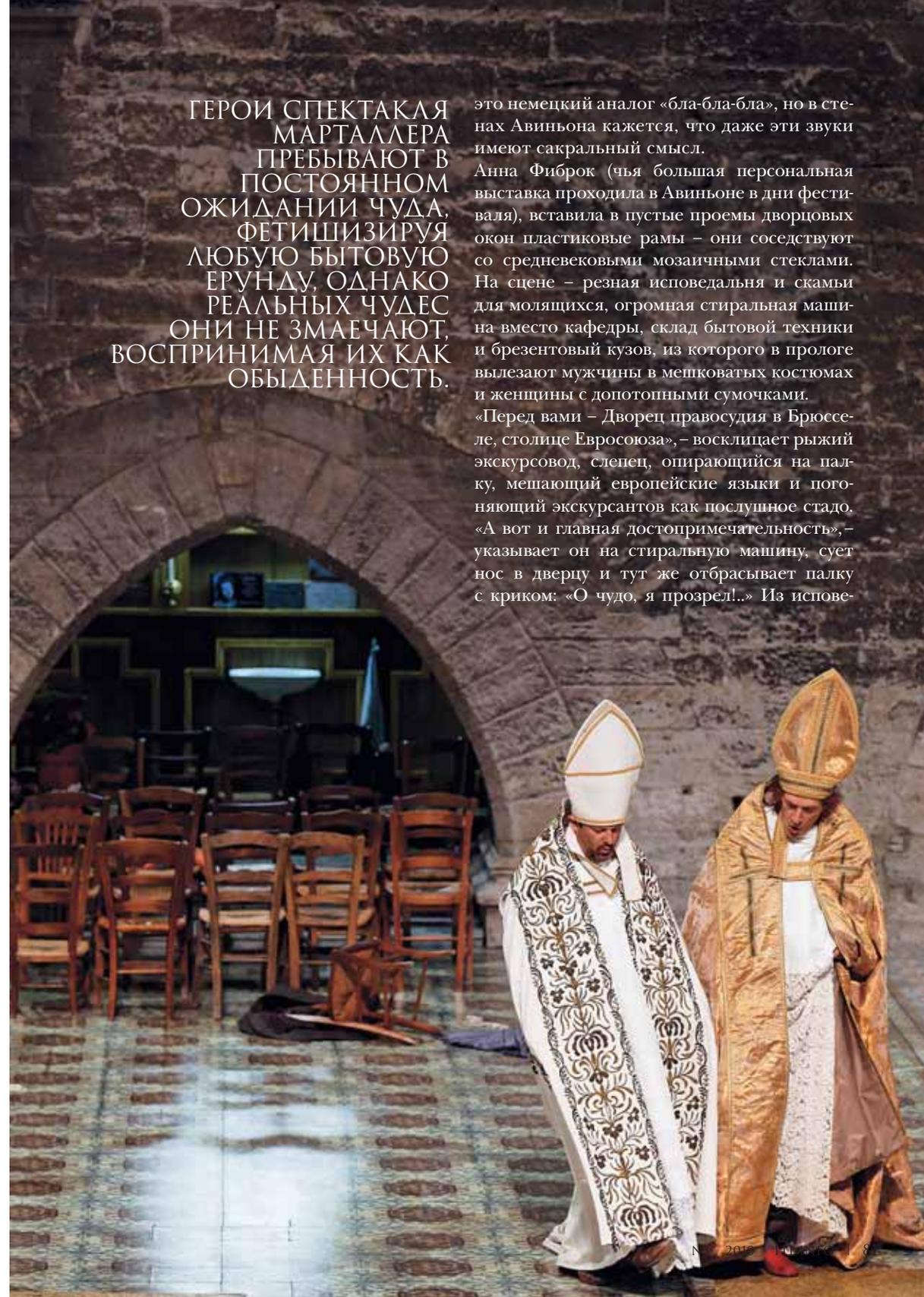
*Алла Шендерова.
Фото предоставлены
Авиньонским фестивалем.*

ГЕРОИ СПЕКТАКЛЯ
МАРТАЛЛЕРА
ПРЕБЫВАЮТ В
ПОСТОЯННОМ
ОЖИДАНИИ ЧУДА,
ФЕТИШИЗИРУЯ
ЛЮБУЮ БЫТОВУЮ
ЕРУНДУ, ОДНАКО
РЕАЛЬНЫХ ЧУДЕС
ОНИ НЕ ЗМАЕЧАЮТ,
ВОСПРИНИМАЯ ИХ КАК
ОБЫДЕННОСТЬ.

это немецкий аналог «бла-бла-бла», но в стенах Авиньона кажется, что даже эти звуки имеют сакральный смысл.

Анна Фиброк (чья большая персональная выставка проходила в Авиньоне в дни фестиваля), вставила в пустые проемы дворцовых окон пластиковые рамы – они соседствуют со средневековыми мозаичными стеклами. На сцене – резная исповедальня и скамьи для молящихся, огромная стиральная машина вместо кафедры, склад бытовой техники и брезентовый кузов, из которого в прологе вылезают мужчины в мешковатых костюмах и женщины с допотопными сумочками.

«Перед вами – Дворец правосудия в Брюсселе, столице Евросоюза», – восклицает рыжий экскурсовод, слепец, опирающийся на палку, мешающий европейские языки и погоняющий экскурсантов как послушное стадо. «А вот и главная достопримечательность», – указывает он на стиральную машину, сует нос в дверцу и тут же отбрасывает палку с криком: «О чудо, я прозрел!..» Из испове-

Сакральное и профанное так перепуталось в головах персонажей Марталера, что стиральную машину они почитают как религиозную святыню.

дальни вырываются снопы искр, экскурсанты впадают в религиозный экстаз, вскоре дверца распаивается – как ни в чем не бывало выходит сварщик. Марталер пародирует человеческую способность фетишизировать любой предмет (в одной из сцен герои истово молятся хозяйственной сумке), а реальные чудеса воспринимать как обыденность. Спровадив дам, мужчины укладываются спать на средневековые надгробия – Анна Фиброк заботливо постелила на них матрасы и подушки. После, обрядившись в рясы священников, преспокойно жуют гамбургеры – их скидывают появляющиеся на крыше дворца женщины. На фоне темного неба они напоминают ангелов, да и поют столь же ангельскими голосами... Немецкий в спектакле чередуется с французским и английским – тексты сочинял Марталер в соавторстве с актерами и пи-

сателем Оливье Кадио, вторым приглашенным худруком фестиваля. Но остроумные диалоги здесь не главное. Потому что самое впечатляющее в «Papperlarapp» – не то, как он виртуозно сделан, музыкален, величествен и смешон одновременно, а то, что Кристофу Марталеру удалось срежиссировать не только актеров, но и зал. Недовольные его антирелигиозными выпадами зрители начинают тянуться к выходу. И тут происходит поразительная вещь: во-первых, сами того не желая, они почему-то движутся в такт музыке, во-вторых, точно копируют походку героев – бестолковых экскурсантов со слепым поводырем. И чем дальше идет спектакль, сделанный медленно, словно назло торопливым туристам, тем больше нелепых персонажей замечаешь в зале. В финале никакой разницы между героями Марталера и публикой не остается. И тут в руках у актеров оказываются палки – прихрамывая и отталкивая друг друга, они спешат в свой брезентовый кузов. Рычит двигатель, дымит выхлопная

труба, но кузов не сдвигается с места... К сожалению, до других европейских фестивалей, равно как и до Москвы, этот грандиозный философский карнавал не доедет – он неотделим от Папского двора и задуман как разовая акция. И это очень жаль – хотя бы в контексте недавнего московского суда над создателями выставки «Запретное искусство». Интересно, например, как удалось бы Марталеру срежиссировать реакцию представителей «Народного собора» или других радикальных хоруговосцев, если бы вдруг они вздумали посетить его «Papperlarapp».

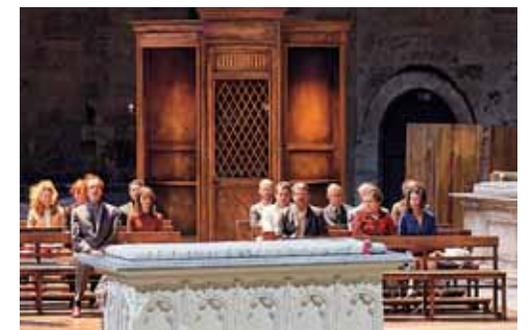
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЧАС

Спектакли в Авиньоне играют почти круглосуточно, в буклете фестиваля есть даже программа литературно-поэтических вечеров под названием «Двадцать пятый час». В перерывах между спектаклями, устав от жары и звона, туристы прячутся на выставках, которые забавно перекликаются с тем, что декларируется в спектаклях. Вот, скажем, наутро после «Papperlarapp» в музее Папского дворца посетителей ждал своеобразный постскриптум к спектаклю – величественная гробница какой-то вельможной пары. Все как в спектакле Марталера, только вместо живых актеров на каменной тумбе возлежат изваяния. Присмотревшись, понимаешь, что лица статуй закрыты чем-то вроде мятой салфетки. И только после видишь, что салфетка глиняная... Так шутит Микеле Барсело, испанский художник и давний соавтор Жозефа Наджа. Свои картины Барсело как будто лепит, бросая на холст ступки красок или небрежно размазывая чернильные пятна. Стоит отойти подальше – пятна превращаются в человеческий муравейник. Четыре года назад Авиньон буквально стоил от восторга. Тогда Надж показал здесь свой «Пасадобль»: полтора часа подряд Надж и Барсело творили какую-то новую вселенную, меся глину, утопая в ней и снова появляясь на свет. Вся сцена казалась огром-

Кристоф Марталер перемешал в своем спектакле истинные и мимые религиозные святыни.

ТУСКЛО ПОДСВЕЧЕННОЕ, НЕСПЕШНОЕ ДЕЙСТВО ПОХОЖЕ НА СЕАНС МЕДИТАЦИИ. СЮЖЕТА НЕТ, НО НИ МИНУТЫ НЕ СКУЧНО, И ТЯНЕТ РАЗМЫШЛЯТЬ.

ным куском глины, чавкающей и шевелящейся под низкие, первозданные звуки. Так вот, живопись Барсело и есть эта «глиняная» музыка, только застывшая на холсте. Жозеф Надж прибыл в этом году в Авиньон из Москвы, где на Чеховском фестивале прошаляпремьероегоспектакля «Шерри-бренди». А в Авиньоне можно было увидеть его спектакль «Les Corbeaux» («Воронь»), сделанный в соавторстве с музыкантом по имени Акош Желевений (Akosh Szelevenyi). Музыкант священнодействует со своими инструментами, извлекая глухие звуки из каких-то латунных трубочек и чаш, а Надж движется, не то чтобы повторяя пластику воронов, но передавая суть этих таинственных птиц. Или рисует, брызгая тушью на ватман – точно это рисует сам ворон, обмакивая крыло в тушь... Тускло подсвеченное, неспешное действо похоже на сеанс медитации. Сюжета нет, но ни минуты не скучно и тянет размышлять. Например, о том, что магистр и чародей Надж явно сродни герою старой притчи о музыканте, который научился извлекать божественные звуки даже из обычной палки. Беда, правда, в том, что мало кто владел таким тонким слухом, чтобы их услышать.

THE ANTIPODES OF AVIGNON AND THE ANTI-POPES

THE PROGRAM OF THE 64 TH ANNUAL AVIGNON FESTIVAL WAS BASED AROUND VARIOUS CROSS-STYLE AND CROSS-GENRE PRODUCTIONS. AND THE PLAY TITLED «PAPPERLAPAPP» BECAME ITS MAIN EVENT: THE SWISS DIRECTOR CHRISTOFF MARTHALER CAME UP WITH A PARABLE (EXQUISITE IN FORM AND SCANDALOUS IN CONTENT) ABOUT WHAT THE CONTEMPORARY MANKIND LOOKS LIKE AMIDST THE GREAT DECOR OF THE PAST.

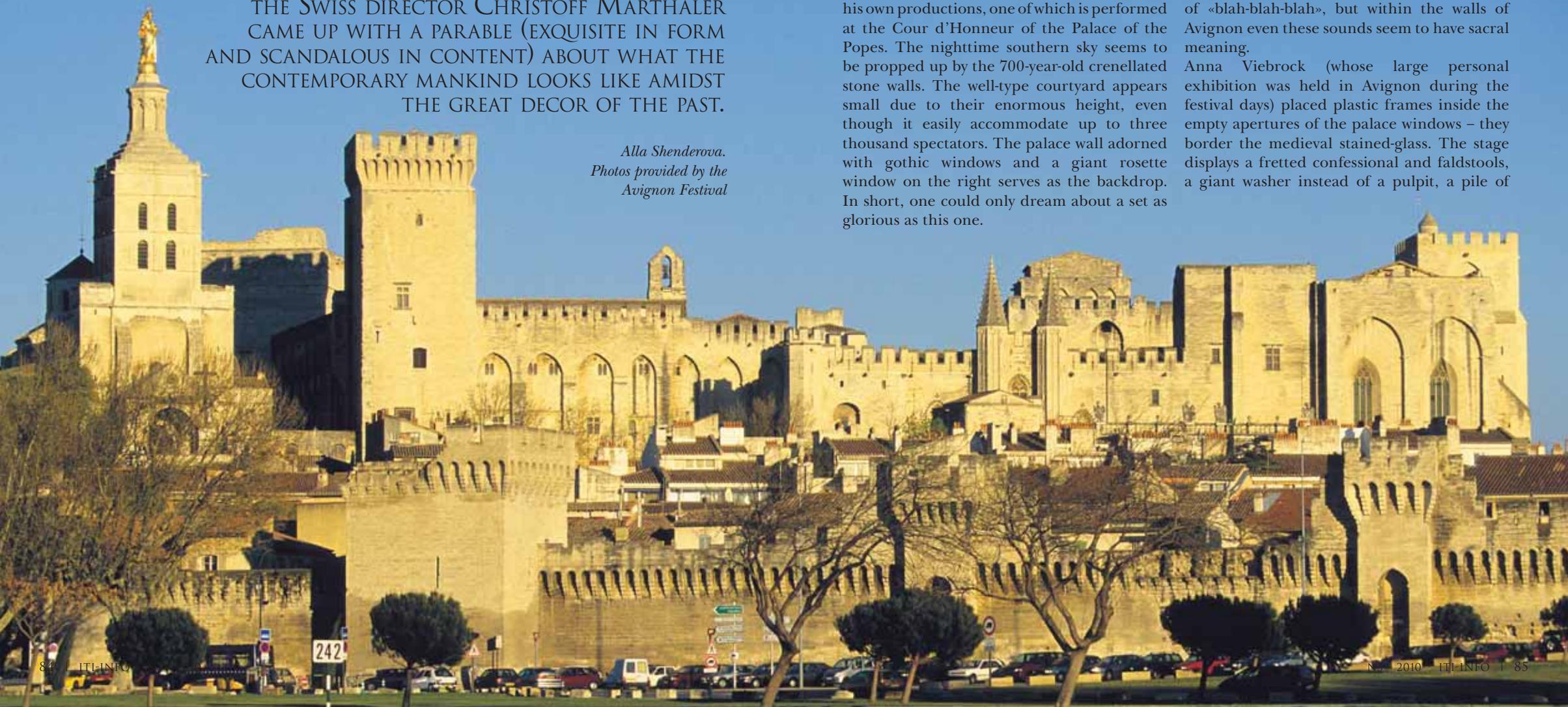
*Alla Shenderova.
Photos provided by the
Avignon Festival*

According to a seven-year-old tradition the program for the festival is put together by a duo of directors Hortense Archambault and Vincent Baudriller with the assistance of a guest artistic director – usually one of Europe's first-raters, such as Thomas Ostermeier, Jan Fabre, Josef Nadj and other radical stage directors. This year the honor of being guest artistic director fell to Christoff Marthaler, who works at the crossroads between opera and drama and whose productions are brilliant parodies of contemporary European society.

IN THE MIRRORS OF REALITY

The guest artistic director not only puts together the festival program, but also stages his own productions, one of which is performed at the Cour d'Honneur of the Palace of the Popes. The nighttime southern sky seems to be propped up by the 700-year-old crenellated stone walls. The well-type courtyard appears small due to their enormous height, even though it easily accommodate up to three thousand spectators. The palace wall adorned with gothic windows and a giant rosette window on the right serves as the backdrop. In short, one could only dream about a set as glorious as this one.

But Marthaler nearly refused to stage a performance within these walls. «The apostle of the new European theater», «the singer of Europe's decline», in whose productions tenderness and refined musicality are combined with biting parody, is accustomed to enclosed spaces. His loyal coauthor, stage designer Anna Viebrock stylizes them to resemble a certain space, frozen in the aesthetics of the 70s – something akin to a waiting room that can be turned into psych wards or into a deck of a ship. And it is filled with a bunch of blunderers, aggressive, conceited and scared to death. Nevertheless, now Marthaler placed them inside the medieval courtyard of the Palace of the Popes. The show is called «Papperlapapp» – it's the German equivalent of «blah-blah-blah», but within the walls of Avignon even these sounds seem to have sacral meaning. Anna Viebrock (whose large personal exhibition was held in Avignon during the festival days) placed plastic frames inside the empty apertures of the palace windows – they border the medieval stained-glass. The stage displays a fretted confessional and faldstools, a giant washer instead of a pulpit, a pile of

Clowns from around the world participate in the off-program of the Avignon Festival.

household appliances and a canvas-top truck bed. During the prologue men in baggy suits and women with antiquated purses climb down from it.

«Before you is the Palace of Justice in Brussels, the capital of the European Union,» exclaims the blind red-haired guide, who leans on a cane, mixes together European languages and shepherds tourists like an obedient herd. «And here is the main attraction,» – he points to the washer, sticks his nose inside the door and immediately throws away the cane, shouting, «It's a miracle, I can see!...» Showers of sparks shoot out from the confessional, the tourists go into religious ecstasies, and soon the door opens and from there emerges a welder just as if nothing had happened. Marthaler parodies the human ability to make a fetish of any object (in one scene the characters pray religiously to a shopping bag) and to perceive real miracles as commonplaceness.

Having escorted out the ladies, the men go to sleep on top of medieval gravestones – Anna Viebrock has thoughtfully covered them with mattresses and pillows. Afterwards, having put on priest robes, they very calmly munch on some hamburgers – the women who appear on the palace roof toss those down to the men. Against the backdrop of the dark sky they resemble the angels, and they sing with equally angelic voices...

The German language in the show alternates with French and English – Marthaler wrote the texts in collaboration with the actors and writer Olivier Cadiot, the second guest artistic director of the festival. But the witty dialogues are not what is most important in the play. Because what impresses most about «Papperlapapp» is not how masterfully it was created, how it is musical, grand and absurd all at the same time, but that Christoff Marthaler was able to stage-manage not only the actors but the audience as well. The spectators displeased with his anti-religious attacks start filing toward the exit. And suddenly something amazing happens: first of all, they somehow move unwittingly in time with music, second of all, they duplicate the gait of the characters – the muddle-headed tourists with a blind guide. And the further the play progresses, slowly as if to spite the hasty tourists, the more absurd characters can be seen in the audience. In the finale there is no difference left between Marthaler's characters and the public. And then the actors all find themselves with canes in their hands – limping and shoving each other away, they hurry into their canvas-top truck bed. The engine roars, the exhaust pipe puffs out smoke, but the truck doesn't move...

Unfortunately this grandiose philosophical carnival won't come to other European festivals or to Moscow – it is inseparable from the Palace of the Popes and is intended as a one-time show. And that is too bad – especially in the context of the recent Moscow trial of the organizers of the «Forbidden Art» exhibition. It would have been interesting to know, for example,

World theatre is reflecting in Avignon as the world in the glass bowl of the juggler.

how Marthaler would have been able to stage-manage the reaction of the representatives of «The National Cathedral»¹ or other radical gonfaloniers, if they had decided to attend his «Papperlapapp».

THE TWENTY-FIFTH HOUR

The shows in Avignon are performed nearly round-the-clock. In the festival brochure there is even a program for an evening of literature and poetry titled «The Twenty-Fifth Hour». In between the performances, tired of the heat and the ringing of bells, the tourists hide out at exhibitions – the amusing echoes of the shows. For instance, the morning after the performance of «Papperlapapp», the Palace of the Popes museum presented its visitors with a unique postscript to the show – a magnificent tomb of some noble couple. Everything was just like in Marthaler's play, only with statues lying on top of the stone pedestal instead of live actors. If you look closer, you see that their faces are covered with something like a crumpled napkin. And only later you realize that the napkin is made of clay... Miquel Barcelo, a Spanish artist and a long-time collaborator of Josef Nadj, is responsible for that trick. The way Barcelo creates his paintings is as though he sculpts them, throwing blobs of colors at the canvas or carelessly spreading ink blots. The moment you step further away from it, the blots turn into a human anthill.

Four years ago Avignon literally moaned in delight. That was when Nadj and Barcelo showed their «Paso Doble» here: for an hour and half Nadj and Barcelo were creating some kind of a new universe, battering clay, drowning in it, and then reemerging once again. The entire stage

Theatrical radicals of every stripe feel themselves in Avignon like at home.

seemed like a giant piece of clay, champing and moving to low, primordial sounds. Barcelo's art is that same «clay» music, only frozen on a piece of canvas.

This year Josef Nadj came to Avignon from Moscow, where he staged the premiere of his production of «Cherry-Brandy» at the Chekhov Festival. And in Avignon the audience was treated to his production of «Les Corbeaux» («The Crows»), written in collaboration with Akosh Szeleenyi. The musician performs a religious rite with his instruments, eliciting hollow sounds from some brass pipes and bowls, while Nadj moves not so much by repeating the plasticity of crows, but by conveying the essence of these mysterious birds. Or he draws, splashing gouache over the Whatman paper – as if the crow itself is making the drawing, dipping his wing into the gouache... Dimly lit and unhurried the play resembles a meditation session. There is no plot, but you don't feel bored even for a minute, and you feel compelled to reflect. About the fact, for example, that a master and a magician such as Nadj is clearly akin to the character from the old parable about a musician who learned to elicit heavenly sounds even from an ordinary stick. The trouble is, though, that very few had hearing keen enough to hear them.

Tragedy and gloominess of modern theatre balanced by street carnival non-stop in Avignon.